1933-1

КОЛОМЫЙКИ.

Н. Ѳ. Сумцова.

Изданіе редакціи „Кіевской Старины“.

1030097

ст. 1753

КІЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4-й.

1886.

ХАРЬКОВСКАЯ * ПУБЛИЧНАЯ * БИБЛІОТЕКА
1884 г.

КОЛОМЫЙКИ.

О внѣшней формѣ и содержаніи малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, объ ихъ историческомъ и бытовомъ значеніи составляется сужденіе по имѣющимся въ печати сборникамъ произведеній народнаго поэтическаго творчества, преимущественно по громадным сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Нельзя не признать, что многаго еще не достаетъ для правильныхъ и полныхъ выводовъ и обобщеній относительно малорусской поэзіи, особенно мѣстныхъ, краевыхъ ея проявленій: здѣсь можно указать на два главныхъ препятствія, одно, такъ сказать, географическаго, другое хронологическаго свойства. Далеко не всѣ мѣстности Малороссіи изслѣдованы въ этнографическомъ отношеніи и въ особенности относительно наличнаго матеріала пѣснотворчества. Въ то время какъ народныя пѣсни галицкой и угорской Руси собраны во многихъ сборникахъ, собраны въ послѣднее время, правобережная Малороссія представлена сравнительно старинными сборниками, а нѣкоторые углы и закоулки лѣвобережной Малороссіи, напримѣръ, восточные уѣзды харьковской губерніи, населенная малороссіянами часть воронежской губерніи, значительная часть Екатеринославщины, все Черноморье—terra incognita въ приложеніи къ народнымъ пѣснямъ. Составляя свои мнѣнія и сужденія о малорусской народной поэзіи преимущественно по сборнику Чубинскаго, мы невольно усвоиваемъ ретроспективный взглядъ на народную поэзію и употребляемъ выраженіе «настоящее время», «нынѣшняя пѣсня» въ приложеніи къ времени прошедшему и пѣснямъ забытымъ. Значительное большинство пѣсенъ, вошедшихъ въ сборникъ Чубинскаго, записано въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Многое должно

было измѣниться съ тѣхъ поръ въ жизни и слѣдовательно въ пѣснотворчествѣ народа, особенно въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе, послѣ великаго дня 19 февраля 1861 года и всѣхъ вызванныхъ имъ крупныхъ и мелкихъ измѣненій народнаго быта. Освобожденіе крестьянъ, развитіе заводской промышленности, размноженіе желѣзныхъ дорогъ, сокращеніе срока военной службы, появленіе и размноженіе религіозныхъ сектъ, изъ года въ годъ усиливающійся приливъ нѣмецкихъ колонистовъ, русско-турецкая война за освобожденіе балканскихъ славянъ, еврейскіе погромы, масса другихъ, не столь крупныхъ бытовыхъ явленій новаго времени, все это въ совокупности неизбѣжно должно было затронуть народную мысль, народное чувство, должно было такъ или иначе выразиться въ области словеснаго поэтическаго творчества. Къ сожалѣнію, наука сильно отстаетъ въ опредѣленіи, освѣщеніи и разъясненіи новыхъ явленій жизни, такъ какъ не имѣетъ подъ руками необходимаго матеріала, не имѣетъ записей, сообщеній людей, близко стоящихъ къ народу. Какъ-бы то ни было, многое забыто, многое вновь народилось на свѣтъ Божій. Можетъ быть, новые элементы народной поэзіи похожи на старые, и по внѣшней формѣ, и по внутреннему содержанію, въ силу того, что въ народной жизни новое съ старымъ всегда переплетается и связывается тѣсно.

Сборники галицкихъ пѣсенъ, преимущественно сборникъ г. Головацкаго, открываетъ новую внѣшнюю форму народнаго поэтическаго творчества, форму своеобразную, оригинальную, вызвавшую нѣкоторое измѣненіе самаго содержанія народно-поэтическаго творчества, что вполнѣ естественно, такъ какъ внутреннее содержаніе и выражающая его внѣшняя форма по основнымъ законамъ индивидуальной и народной психологіи тѣсно связаны между собою, и одно другое обусловливаетъ. Новой внѣшней формой народнаго малорусскаго, преимущественно галицко-русскаго поэтическаго творчества представляется коломыйка.

Развитіе коломыйки совершается независимо отъ многообразныхъ событій и явленій южно-русской жизни. Коломыйка—преимущественно галицко-русское созданіе, и потому ни одно изъ перечисленныхъ выше политическихъ движеній русскаго народа не могло оказать на нее достаточно сильнаго вліянія. На возникновеніе и развитіе коломыйки повліяли главнымъ

образомъ, если не исключительно, общее обветшаніе всѣхъ формъ малорусской народной поэзіи, думы, колядки, щедривки, веснянки, свадебной пѣсни. Бандуристы перевелись, лирники окончательно переводятся; парубки и дивчата начинаютъ считать пѣніе колядокъ подъ окнами неприличнымъ, нищенскимъ дѣломъ. Думы забыты; колядки и щедривки вырождаются въ тягучіе и дряблые духовные стихи; веснянки и свадебныя пѣсни въ легкія, любовныя импровизаціи; наступаетъ всеобщее оскудѣніе. Однако, жизнь не терпитъ пустоты, долгаго застоя. Въ замѣнъ угасающихъ формъ жизни нарождаются или должны въ непродолжительномъ времени народиться новыя формы, примѣнительно къ новымъ бытовымъ условіямъ. Естественно возникаетъ вопросъ, представляетъ ли замѣчаемое оскудѣніе пѣснотворчества нризнакъ крайняго упадка духа и моральнаго вырожденія, или оскудѣніе знаменуетъ наступившій переломъ въ направленіи пѣснотворчества и переходъ къ пѣснѣ новой, соотвѣтствующей бытовой дѣйствительности, съ сохраненіемъ силы и оригинальности самобытнаго духовнаго творчества, другими словами: будетъ ли взята пѣсня изъ-чужа, со всѣми безобразіями искаженія, подѣлки и фасильфикаціи, или родникъ народнаго духа окажется настолько сильнымъ и свѣжимъ, что изъ него выльется пѣсня свободная, звонкая, чистая. Недалекое будущее отвѣтитъ на эти вопросы. Въ настоящее время неумѣстно пускаться въ догадки и предположенія, забѣгать впередъ и предвѣщать. Самое большое, что можно сдѣлать при современныхъ научныхъ средствахъ—это представить посильное разъясненіе отдѣльныхъ, мелкихъ явленій народной жизни и по возможности опредѣлить ростки будущаго.

Коломыйки весьма распространены въ Галиціи и Буковинѣ. Въ Угорской Руси также много коломыекъ; только здѣсь онѣ слабоваты, безцвѣтны, что вполнѣ отвѣчаетъ дряблости и невзрачности угорско-русскаго народнаго характера вообще и поэзіи въ частности. Коломыйка, какъ опредѣленная пѣсенная форма, встрѣчается въ Малороссіи (у Чубинскаго, напр., въ т. V, стр. 138, 235, 512, 144); но, повидимому, здѣсь неизвѣстно самое названіе «коломыйка».

Найбольшаго развитія коломыйки достигли въ галицкомъ Покутьѣ. Покутье—прекрасный уголокъ Руси, съ сѣверо-востока обрамленный скалистыми берега Днѣстра, съ юго-запада обрѣзанный

карпатскими горами. Въ весеннее половодье днѣстровскія воды заливаютъ обширныя пространства Покутья и, по возвращеніи въ русло, оставляютъ плодородный илъ на поляхъ. Мѣстное населеніе, въ особенности горцы гуцулы, отличается силой характера, предпріимчивостію, подвижностью [1]).

Главный городокъ края Коломыя далъ названіе для пѣсни коломыйки. Это веселый, хорошо застроенный поселокъ, вблизи Чорной горы, упоминаемой въ пѣсняхъ галицкихъ гайдамакъ, опрышковъ. Самое названіе городка Коломыи и протекающей черезъ него рѣчки Коломыйки объясняютъ различно; одни производятъ отъ римскаго слова *colonia*, другіе отъ имени галицкаго князя Коломана, заложившаго городъ въ 1214 году [2]).

Новостью коломыекъ, въ особенности въ Малороссіи, появленіемъ ихъ лишь въ недавно вышедшихъ сборникахъ пѣсенъ и своеобразностью этого рода поэзіи объясняется то крайне ошибочное опредѣленіе коломыйки, которое сдѣлалъ Закревскій въ «Старосвѣтскомъ Бандуристѣ» 1861 г. «Подъ словомъ *коломыйка*, писалъ онъ, разумѣютъ наборъ строфъ одного размѣра и мелодіи, но безъ всякой строгой связи въ отношеніи содержанія» (стр. 62)... «Малороссійская нисенитныця, или наборъ строфъ есть то же, что галицкая коломійка или что у поляковъ краковякъ» (стр. 65). Здѣсь смѣшаны двѣ совершенно различныя формы поэзіи, коломыйка и нисенитныця. Коломыйка представляетъ сконцентрированное выраженіе народнаго поэтическаго творчества, своего рода художественную формулу пѣсеннаго мотива или бытоваго явленія; нисенитныця есть стихотворная чепуха, безсмыслица, словесная игра въ соединеніе предметовъ, не имѣющихъ въ природѣ между собою ничего общаго.

Случайно оброненное Закревскимъ замѣчаніе о тождественности галицко-русской коломыйки и польскаго краковяка даетъ поводъ къ предположенію о возможности генетической связи между ними, о происхожденіи коломыйки изъ краковяка. Предположеніе это, такъ сказать, само еобой напрашивается на мысль, въ виду близкаго топографическаго сосѣдства краковяка и коломыйки, общаго ихъ плясоваго характера и продолжительности польскаго вліянія въ Галиціи на мѣстное русское населеніе. Пересматривая

---

1) Сборникъ Головацкаго, т. I, стр. 695 и др.

2) Kolberg, Pokucie, 1, 10.

многочисленные краковяки въ 6 томѣ «Lud» Кольберга (стр. 381—498) и сравнивая ихъ съ многочисленными коломыйками въ сборникѣ Головацкаго, нельзя открыть между ними ничего общаго, никакого родства. Въ краковякахъ величина пѣсни, размѣръ, содержаніе, взятые изъ внѣшней природы образцы совсѣмъ особые, чуждые коломыйкамъ. Краковякъ по величинѣ значительно превосходитъ коломыйку. Большинство краковяковъ состоитъ изъ четырехъ или пяти строфъ; часто встрѣчаются семистрофные и одиннадцатистрофные краковяки. Господствующій размѣръ—шестисложный, изрѣдка восьмисложный въ каждой строкѣ, размѣръ, сравнительно съ коломыйками, слишкомъ короткій, слабый. Въ краковякахъ, не смотря на ихъ значительную величину, нѣтъ запѣвовъ, которые всегда указываютъ на разбѣгъ мысли и придаютъ пѣснѣ силу. Краковяки, сравнительно съ коломыйками, очень бѣдны взятыми изъ внѣшней природы образами, обыкновенно придающими пѣснѣ живописность и выразительность. Въ замѣнъ того, въ краковякахъ много отвлеченныхъ сужденій и морально-дидактическихъ замѣчаній: напримѣръ:

Niema nic na świecie
Pod słoncem stałego (425)...

—

Nie panuje teraz,
Słuszność na tym świecie (425).

—

Niech cię urodzenie
Panow nie uwodzi;
Wszakże nas natura
Jedna na swiat rodzi (420).

Въ коломыйкахъ нѣтъ ничего подобнаго. Въ содержаніе краковяковъ входятъ большею частью тѣ-же житейски-бытовые мотивы, что и въ коломыйки, преимущественно любовь молодыхъ людей, но въ такомъ сочетаніи подробностей, что между краковякомъ и коломыйкой относительно содержанія получается полное различіе. Поэтическое и нравственное достоинство краковяка можно охарактеризовать слѣдующими словами самаго краковяка:

Niemasz ci to niema
Jak w krakowskiém polu;

Jedna garść pszenicy,
A druga kąkolu (390).

Большое различіе между коломыйкой и краковякомъ обнаруживается также въ той оцѣнкѣ, какую русинъ даетъ коломыйкѣ, а полякъ краковяку. Для русина коломыйка такая пѣсня, которую можно пѣть всегда и вездѣ, которую слѣдуетъ пѣть въ минуты радости и горя; вообще, русинъ, какъ это будетъ видно въ концѣ настоящей статьи, относится къ коломыйкѣ съ безусловной похвалой; полякъ-же поетъ:

Niedobra jest rzeczą
Krakowiaki śpiewać,
Jedna można bawić,
A drugich rozgniewać (390).

Въ итогѣ сравнительнаго изученія коломыекъ и краковяковъ получается, такимъ образомъ, заключеніе о полной независимости первыхъ отъ послѣднихъ.

Галичанинъ Счастный Саламонъ, издавшій въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сборникъ коломыекъ и шумокъ, говоритъ въ предисловіи: «и вжежъ то изъ всѣхъ напѣвовъ въ Галицкой Руси найбильше разширена коломыйка. Коломыйка, се душа, се вѣрна товаришка галицкаго русина видъ колыски ажъ до могилы; нею все начинае винъ пѣти и все кончитъ. Въ коломыйкахъ бо, въ ихъ нутѣ и напѣвѣ, найбильше отпечатлѣлась меланхолія, тужливость, сумота души, а въ тыхъ то чувствахъ именно сосредоточилась цѣла жизнь несчастливаго народа Руси, который по утратѣ политической своей самостоятельности черезъ пять долгихъ столѣтій (подразумѣвается покореніе Галиціи поляками въ 1340 г.) не малъ ни волѣ, ни доли, а все лишь изнывалъ, стогналъ въ путахъ рабства, пидъ ударами судьбы жестокой. Оттакъ то истинный образъ исторіи нашего народа въ самыхъ напѣвахъ коломыйки». Меланхоличность напѣва нѣкоторыхъ коломыекъ не можетъ служитъ доказательствомъ древности ихъ, а лишь проявленіемъ извѣстнаго душевнаго настроенія. Нельзя упускать изъ виду также того обстоятельства, что новыя пѣсни часто принимаютъ напѣвъ старинныхъ, забываемыхъ пѣсенъ.

Въ сборникѣ г. Головацкаго коломыйки помѣщены въ отдѣлѣ плясовыхъ пѣсенъ. Значительное количество коломыекъ по тону и содержанію дѣйствительно отвѣчаетъ пляскѣ. Въ Галичинѣ и Угор-

ской Руси есть особый танецъ коломыйка. Танцуютъ его такъ: мужчина подбоченясь и устремивъ свой взглядъ на концы ногъ, продѣлываетъ ими всевозможныя движенія; при этомъ онъ кружится около танцующей съ нимъ дѣвушки, которая, не спуская съ него глазъ, съ опущенными руками, приплясываетъ на мѣстѣ; когда мужчина вскрикнетъ и ударитъ въ ладоши, дѣвушка къ нему придвигается; онъ обнимаетъ ее за шею и покачивается вмѣстѣ съ нею взадъ и впередъ, затѣмъ снова выпускаетъ дѣвушку, и танецъ продолжается по прежнему. Въ кругъ никогда не входятъ нѣсколько паръ одновременно, но танцуютъ только по одной парѣ, смѣняя одна другую. Мужчина, желающій танцовать, въ Угорской Руси громко произносятъ: «я выронилъ свою трубку!»; это условный знакъ, по которому пары разступаются и даютъ мѣсто той, которая такимъ образомъ заявила о своемъ желаніи танцовать; натанцовавшись вдоволь, эта пара уступаетъ мѣсто другой [1]).

При всемъ томъ, коломыйка не плясовая пѣсня. Коломыйки въ массѣ представляютъ нѣчто совсѣмъ особенное, серіозное и, за исключеніемъ отдѣльныхъ коломыекъ, не могутъ быть подведены подъ отдѣлъ пѣсенъ плясовыхъ. Во многихъ коломыйкахъ обнаруживается вовсе не плясовое настроеніе духа, отражается грусть, находится сѣтованіе ня горемычную долю, говорится о слезахъ, напримѣръ, въ коломыйкѣ:

Чому очи не плачете, жалю не маете?
Мое серце въ слезахъ стоитъ, а вы не знаете.

Встрѣчаются коломыйки съ отвлеченной, почти философской мыслью, напримѣръ, коломыйка:

Лише рѣчка не вертае у горы землицевъ,
Тилько усе упадае до моря водицевъ

представляетъ сравненіе жизни человѣка съ теченіемъ рѣки. Въ другой коломыйкѣ зарожденіе и развитіе любви сравнивается съ рѣкой, которая сначала течетъ тихо, потомъ впадаетъ въ водоворотъ.

Тече ричка не величка, въ вырынку впадае,
Гирша любовъ видъ болѣсти, хто ю добре знае.

По внѣшней формѣ коломыйка представляетъ небольшую пѣсню, въ четыре или двѣ строки, изрѣдка въ шесть строкъ. Размѣръ—

---

[1]) Де-Волланъ, Угро-рус. пѣсни, стр. 16.

строго опредѣленный. Каждая строка состоитъ изъ 14 слоговъ, съ цезурой, раздѣляющей строку на двѣ неравныя части, причемъ въ первой части всегда 8 слоговъ, во второй 6 слоговъ, такъ что свойственный коломыйкамъ размѣръ можетъ быть выраженъ формулой 2 (8+6). Коломыйка представляетъ правильно чередующіяся повышенія и пониженія голоса, опредѣленныя числомъ слоговъ, и по отзыву этнографовъ, по отзыву и оцѣнкѣ самаго народа отличается мелодической прелестью. Встрѣчаются большія пѣсни, составленныя изъ коломыекъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ, по основной мысли стихотворенія, причемъ каждая коломыйка имѣетъ самостоятельное значеніе, цѣльный смыслъ, и встрѣчается въ отдѣльности. Въ сборникѣ Кольберга «Pokucie», пѣсни составленныя изъ коломыекъ, помѣщены во 2 томѣ на стран. 99, 168 и многихъ другихъ, а въ сборникѣ г. Головацкаго во II т., стран. 380—400. Начало коломыйки, первая строка (8+6 слоговъ), представляетъ обыкновенно образъ, заимствованный изъ природы; дальнѣйшая часть пѣсни представляетъ соотвѣтствующее этому образу уподобленіе въ настроеніи души поющаго, причемъ образъ и уподобленіе составляютъ органическое цѣлое, и второе какъ-бы вытекаетъ изъ перваго. Бываетъ такъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе въ остальныхъ трехъ, напримѣръ:

Шкода травки и муравки тому облогови:
Шкода мене молодои тому неробови;
Шкода мене молодои, шкода мого стану,
Та якъ я ся леда бѣдѣ у руки достану

Часто бываетъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе во второй, въ третьей опять образъ, очень близкій первому, въ четвертой соотвѣтствующее уподобленіе, напримѣръ:

Ой часъ, мати, жито жати—вже перестигае;
Чому мене, моя мати, замижъ не отдае.
Ой часъ, мати, жито жати—колосъ похилився;
Ой часъ мене замижъ дати—голосъ изминився.

Въ нѣкоторыхъ коломыйкахъ обнаруживается значительное различіе между внѣшними образами первой и третьей строкъ. Это различіе почти всегда указываетъ на составной характеръ четырехъ-

строчной коломыйки изъ двухъ самостоятельныхъ двухъ-строчныхъ коломыекъ; напримѣръ:

Ой спѣвала на былинцѣ якась пташка сива:
Ой котра ще не любила, у Бога счастлива;
Бо не усѣ сады родятъ, котры вже зацвѣли:
Та не усѣ побралися, котры ся любили.

Встрѣчаются изрѣдка коломыйки съ поэтическимъ образомъ изъ внѣшней природы, безъ примѣненія его къ нравственной природѣ человѣка; напримѣръ:

Ой засвѣти, мѣсячеиьку, засвѣти, засвѣти,
Та на то-ти полонины, на хороши цвѣты!

Внѣшній образъ бываетъ такъ обыченъ и типиченъ въ народной поэзіи, что поющій, опуская уподобленіе, можетъ легко его подразумѣвать.

Бываютъ и такія коломыйки, въ которыхъ нѣтъ взятаго изъ внѣшней природы образа, нѣтъ параллелизма, и пѣсня прямо излагаетъ какой-нибудь случай или событіе изъ жизни, по метрическому коломыечному складу; напримѣръ въ коломыйкахъ:

У богача полъ калача, та еще винъ плаче,
А въ сироты нигде корки, еще вона скаче.

—

А у Львовѣ, славнимъ мѣстѣ, стала ся пригода,
Студенты ся збунтовали, що имъ невыгода:
На старшихъ то нарекали, що ихъ хтѣли бити,
Щобы дѣвчатъ не любити, казали ся вчити.

—

Ой якъ я си нагадала, якъ мы ся любили,
Не разъ ми ся доливъ окомъ слёзы покотили.

Связь между образомъ и уподобленіемъ не всегда бываетъ достаточно ясна для интеллигентнаго человѣка, главнымъ образомъ по причинѣ своеобразности народныхъ пріемовъ сравненія и уподобленія, по обилію въ народной поэзіи такихъ установившихся типическихъ внѣшнихъ, взятыхъ изъ природы образовъ любви, разлуки, горя, какіе не встрѣчаются въ обращающихся среди интеллигентнаго общества поэтическихъ произведеній Пушкина, Лермон-

това, Тургенева, не встрѣчаются даже у Шевченка, напримѣръ, коломыйки:

Ой идутъ волы зъ полонины, рогами ся крешутъ,
Отдай, мати, дѣвку зъ хаты, най на ню не брешутъ,

была-бы непонятна, если-бы многія малорусскія и галицкія пѣсни не указывали на наклонность простаго южно-русскаго народа сближать въ поэзіи воловъ и лѣта. Смыслъ коломыйки въ дѣйствительности простъ и ясенъ: дѣвушка старѣетъ; люди начинаютъ надъ ней подсмѣиваться, какъ надъ старой дѣвой, и матери поставляется въ обязанность позаботиться объ отдачѣ ея замужъ. Сближеніе лѣтъ съ волами яснѣе обнаруживается въ другой коломыйкѣ:

Волы мои половыи, чому не орете?
Лѣта мои молодыи; марне зъ свѣта йдете!

Для полноты пониманія послѣдней коломыйки нужно замѣтить, что въ народной поэзіи ораніе поля служитъ иногда символомъ любви; напримѣръ, въ слѣдующихъ двухъ коломыйкахъ:

Не сѣявши, не оравши, не буде родити,
Не дай хлопцю принадоньки, не буде ходити.

Усѣ нивки поорани, одна облогуе;
Усѣ дѣвки на мя добри, одна ворогуе.

Ограничиваемся краткимъ объясненіемъ двухъ поэтическихъ образовъ, такъ какъ подробное изложеніе встрѣчающихся въ коломыйкахъ образовъ и уподобленій неизбѣжно должно вывести за предѣлы коломыйки, въ обширную область малорусской народной поэзіи и даже безыскусственной поэзіи другихъ славянскихъ народовъ.

По содержанію коломыйка представляетъ эклектическое явленіе народной поэзіи. Эклектизмъ является обыкновенно въ тотъ періодъ въ жизни народа, когда прогрессивное движеніе пріостанавливается на нѣкоторое время, причемъ возникаетъ потребность прослѣдить весь прежній ходъ цивилизаціи и собрать въ одно цѣлое всѣ добытые факты. Эпоха эклектизма большею частью совпадаетъ съ эпохою промышленнаго развитія, съ преобладающимъ, даже всепоглощающимъ обращеніемъ вниманія на предметы полезные и упо-

требительные въ матеріальной жизни. Эпоха эклектизма выражается обыкновенно перемѣщеніемъ центра тяжести народной жизни, въ слѣдствіе какого-нибудь крупнаго разрыва въ органической преемственности ея основныхъ явленій и фактовъ; однѣ формы жизни быстро вырождаются и на мѣсто ихъ являются другія, съ ними мало сходныя. Исчезаютъ формы жизни, созданныя бурными порывами фантазіи и чувства, порожденные грандіозными историческими народными движеніями, и нарождаются обыкновенно такія формы и явленія, гдѣ господствуетъ болѣе или менѣе сухой разсудокъ, разсчетъ, гдѣ все соразмѣрно, ясно и просто, иногда живо, свѣтло и увлекательно, какъ стихотворенія въ прозѣ Тургенева, иногда натянуто, сухо и мелочно, какъ вирши и грамматики греческихъ ученыхъ александрійскъго періода эллинской образованности.

Эклектическая коломыйка беретъ изъ народной поэзіи все лучшее, въ отдѣльныхъ частяхъ, обрывкахъ, обломкахъ, и будучи сама очень небольшой по величинѣ, удачно сохраняетъ и передаетъ драгоцѣнные элементы народной поэзіи. Въ настоящее зремя малорусскій, преимущественно галицко-русскій крестьянинъ обращается съ доставшимися ему отъ предковъ пѣснями такъ-же разсчетливо, какъ полторы тысячи лѣтъ назадъ ново-платоническіе философы Плотинъ и Проклъ, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи французскій философъ Кузенъ обращались съ ученіями Пиоагора, Платона и Аристотеля, выбираютъ поэтическіе образы и истины изъ различныхъ формъ и родовъ поэзіи, изъ колядки, гаивки, свадебной пѣсни, жатвенной пѣсни, думы, и заботливо складываютъ ихъ въ коломыйку. Въ періодъ духовнаго застоя, нравственной ломки, усиленія разглагающихъ цѣлость міросозерцанія и быта внѣшнихъ вліяній, обнаруживаемый коломыйкой эклектизмъ представляетъ весьма замѣчательное и, въ смыслѣ консервативномъ, утѣшительное явленіе. Если нельзя удержать думъ, колядокъ, щедривокъ, гаивокъ, если имъ суждено въ самомъ непродолжительномъ времени полное забвеніе въ средѣ простаго народа, что несомнѣнно, то по крайней мѣрѣ отдѣльныя ихъ жемчужины будутъ сохранены коломыйкой и переданы его будущимъ поколѣніямъ, какъ матеріалъ, средство, пособіе для дальнѣйшаго духовнаго творчества.

Электическими коломыйками представляются, напримѣръ, слѣдующія:

Выйди, выйди, файна любка, не бійся морозу,
А я твои били нижки за пазуху вложу.

—

Заревили баранчики, зъ полонины йдучи,
Очка ми придивили, миленького ждучи.

Эти коломыйки очевидно представляютъ отрывки изъ распространенныхъ въ Малороссіи и Галиціи любовныхъ пѣсень.

Чисто жатвенной пѣсней представляется слѣдующая коломыйка:

Вечеръ, вечеръ, вечерѣе, сонце надъ вербами,—
Пускай, пане атамане, до дому съ серпами.
Вечеръ, вечеръ, вечерѣе, уже сонце нызько,—
Пускаи, пане атамане, до дому не блызько.

Нѣкоторое отношеніе къ галицкимъ свадебнымъ пѣснямъ имѣетъ коломыйка:

Ой по по пидъ гай зелененькій ходыть мій миленькій,
Та тычая за голову розмаринъ дрибненькій;
Ой бо то розмаринъ дрибный росте на каменю;
То-то мому миленькому, якъ иде до дому.

Пѣсня выражаетъ неудачное святовство. Розмарипъ употребляется на свадьбахъ въ Германіи, у западныхъ славянъ и въ Галиціи, причемъ, вѣроятно, заимствованъ славянами отъ нѣмцевъ. У древнихъ германцевъ розмаринъ былъ символомъ Гольды, дѣвственности. Замѣчаніе, что розмаринъ ростетъ на камнѣ, служитъ въ коломыйкѣ намекомъ на неудачное сватовство.

Захватывая отдѣльные поэтическіе мотивы изъ всѣхъ устарѣвшихъ формъ поэзіи, коломыйка въ то же время передаетъ всѣ современныя движенія народной жизни, обрисовываетъ краткими чертами національное самосознаніе галицко-русскаго крестьянина, его отношенія къ нѣмцамъ, полякамъ и евреямъ, его воззрѣнія на австрійскаго императора, его недовольство панщиной и рекрутчиной, мельчайшія проявленія семейной жизни, любовь, разлуку, бракъ, вѣрно передаетъ бытовыя проявленія народнаго юмора въ легкой насмѣшкѣ и шуткѣ надъ слабостими человѣческими. Въ коломыйкахъ есть всего понемножку, и религія, и политика, и мораль, и исторія. Распредѣлить коломыйки на отдѣлы по содержанію—дѣло

трудное, и потому въ сборникѣ г. Головацкаго, гдѣ напечатано нѣсколько тысячъ коломыекъ, распредѣленіе ихъ совершенно произвольно, случайно. Въ отдѣлы коломыекъ внесены всѣ двухъ-строчныя и четырехъ строчныя пѣсни 14-сложнаго размѣра, безъ различія содержанія. Одна и та же коломыйка иногда встрѣчается читателю нѣсколько разъ, на разныхъ страницахъ. Въ сборникѣ коломыекъ Счастнаго Саламона, изданномъ сначала въ 1864 г., потомъ вошедшемъ въ 5 томъ сборника г. Головацкаго, сдѣлана попытка раздѣленія коломыекъ на любовныя, сиротинскія, вояцкія и жартовливыя, причемъ въ любовномъ и шутливомъ отдѣлахъ коломыйки подраздѣлены на молодецкія и дѣвичьи. Это дѣленіе коломыекъ хотя и вноситъ нѣкоторый порядокъ въ распредѣленіе ихъ въ сборникѣ, далеко, однако, не выражаетъ содержанія коломыекъ.

Не имѣя намѣренія подробно излагать содержаніе коломыекъ, что было бы безполезно безъ обращенія ко всему составу малорусской и галицкой поэзіи, мы укажемъ только на болѣе характерныя стороны содержанія коломыекъ. Прежде всего вниманіе читателя привлекаютъ тѣ коломыйки, гдѣ выражена преданность галицкорусскаго крестьянина къ родинѣ, къ горамъ, къ своему округу, селу. Такъ какъ въ созданіи коломыйки главную роль играли жители коломыйскаго округа, то въ коломыйкахъ естественно видное мѣсто занимаетъ восхваленіе Коломыи и коломыйцевъ.

Горы мои высокія, мушу васъ лишити,
Волѣвъ бы-мъ бувъ у васъ гнити, якъ въ чужинѣ жити.

—

Ой не ма то якъ у горахъ дѣвчата спѣваютъ,
Ой не ма то якъ у горахъ молодци гуляютъ.

—

Ой славная Коломыя та й у межи горами.

—

Коломыя—не помыя, Коломыя мѣсто;
Въ Коломыи дивчатонька, якъ пшеничне тисто.

—

Коломыецъ-чорнобрывець, та и коломочка.
Якъ була красна неня, а ще краще дочка.

—

А въ гуцулки чорни очи, якъ тернъ на галузѣ,
Биле личко румяненькѐ, якъ калина въ лузѣ.

Какъ извѣстно, простой народъ внимательно относится къ мелкимъ, краевымъ этническимъ различіямъ въ языкѣ и обычаяхъ и выражаетъ это различіе въ поговоркахъ, пѣсняхъ, разсказахъ, большею частью ироническаго свойства. Въ древности поляне подсмѣивались надъ древлянами, новгородцами; въ новое время курскій крестьянинъ разсказываетъ смѣшной анекдотъ про крестьянина орловской губерніи, тулякъ даетъ москвичу насмѣшливое прозваніе, москвичъ рязанцу и т. д.; напримѣръ: осташи-горгаши, новогоры—воры.

То же самое видимъ въ Галиціи. Въ слѣдствіе гористой мѣстности, здѣсь болѣе своеобразія, особенностей между поселеніями, что выражается, между прочимъ, и въ коломыйкахъ. Бойки издѣваются надъ гуцулами, а гуцулы надъ бойками; напримѣръ:

Ой гуцуле, гуцуленьку, гуцуле небоже,
А ни орешь, а не сіешь, пожаль тя ся, Боже!

—

Гуцулія—кукурія, не хоче робити,
Але иде въ Коломыю мелай дорожити.

—

Ой серака Поланиця кукурузы сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе.

—

Ой гуцуле, гуцуленьку, поганая вѣра:
Твоя жинка у середу солонину ѣла.

—

Якъ гуцула не любити? А въ гуцула вивци,
А въ гуцула за поясомъ писани топорци;
Та якъ зачне жинку бити, бича не пытае,
Та якъ утне межи плечи, ажъ душа минае.

—

Ой гуцулы, гуцуленьки, де-сто бойка [1]) дѣли
Ци вы его испекли-сте, ци сырого зъѣли?

---

[1]) Въ другой коломыйкѣ „батька“.

Ни мы его испекли-сме, ни сырого зъѣли,
Лише ишовъ черезъ гору, та го волки зъѣли.

—

Бойко умерь, бойко умеръ, бойкови звонили,
Якъ ся бойко зирвавъ зъ лавы, ледво догонили.

—

Дала мене моя мати за бойка, за бойка,
А у бойка головонька легонька, легонька.

Любопытно въ галицко-русскомъ крестьянинѣ сознаніе, что въ горахъ ему несовсѣмъ хорошо живется и любопытно въ особенности то, что причиной зла считается нѣмецкій режимъ вообще, въ особенности рекрутчина и польскій гнетъ.

Ой нема въ горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по нѣмцеви заваджати буде [2]).

Въ коломыйкахъ открывается своеобразный взглядъ галицкаго русина на «Цесаря»; напримѣръ:

Ой Цесарю, Цесарику, якій же ты глупый,
Убравъ есь мя у камаши, не закрывъ есь дупы [2]).

Пѣсня очевидно создана рекрутомъ, молодымъ солдатомъ, которато нарядили въ костюмъ для русина крайне странный, въ штиблеты и въ такую куртку, которая не закрываетъ задней части тѣла. Вообще, коломыйки очень враждебно относятся къ солдатской службѣ; напримѣръ:

Ой жовнѣръ я, моя мамо, ой жовнѣръ я, жовнѣръ.
Якъ не вѣришь, моя мамо, дывыся на ковнѣръ,
Ой ридный мой, каже, брате, та не дай мя взятн.
Не дай мени молодому ручки извязати!
А якъ мени молодому руки извязали.
Тогда маю матиноньку водой видлывати.

—

Ой не треба, дѣвчинонько, жовнѣра любити,
Бо онъ мусить Цѣсареви десять лѣтъ служити.

---

[1]) Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 300.
[2]) Тамъ же, стр. 298.

Ой дѣвицѣ молодицѣ скиньтеся по грошу,
Та заплатѣть Цесаревн, няй муидиръ не ношу

—

Ой Цесарю, Цесареньку, Цесарю Францишку,
Пусти мене до домоньку дѣвкамъ на потишку.

—

Бодай то-ти карабины отъ сонця згорѣли;
Бо вже въ мене, молодого, плечи заболѣли.

—

Ой Цесару, Цесареньку, на що насъ вербуешь?
Забравъ турокъ магазины, чимъ насъ выгодуешь?
Ой буду васъ годовати вивсяной половой,
Ой буду васъ высылати цесарской дорогой.
Якъ мы будемъ, Цесареньку, половоньку ûсти,
То мы будемъ дороженькой по воленьки лизти.

Какъ ни тяжела для галичанина солдатская служба, какъ ни противна она ему, еще болѣе тяжелой и противной является въ коломыйкахъ панщина, зависимость отъ польскихъ помѣщиковъ:

Ой волю я, пане брате, Цесарю служити,
Какъ я маю вражимъ ляхамъ панщину робити.

—

Ой чого ты поскрипуешь, яловая хато?
Нема добра въ нашемъ селѣ, бо панивъ багато [1]).

—

Бодай ляхи пановали—въ ходакахъ ходили,
Що ся нами, русинами, тяжко наробили!

—

Породила шевця вивця, а ляха кобыла,
А русняка неборака мати чернобрыва.

Коломыйки обвиняютъ еврея въ спаиваніи и въ разореніи крестьянина:

И я не пью, и ты не пій, та хто буде пити,
Та хто буде на жидивски сироты робити.

—

Не давно-мь ся, товаришу, стали напивати,
Прійшли жиды, взяли бычки, часъ було впрягати.

[1]) Сборникъ Лукашевича, стр. 138.

1753

Выйдить дѣти на улицю, та заплачте ревне,
Най арендарь одурѣе, та й бычки оберне.

Есть одна прекрасная коломыйка, гдѣ, такъ сказать, подведенъ итогъ причинамъ недовольства галичанина Цесаремъ:

Ой Цесарю, Цесарику, шапочка ти срибна,
Не вважаешь, Цесарику, яка та Русь бидна:
Ой, бидна, кажу, бидна, бо паны зидрали,
Ой мали мы сьмо по коровѣ, й то жиды забрали.
Жиды взяли по коровѣ, Цесарь бере дѣти,
Не маемо, Цесарику, що въ Руси сидѣти!
(Гол. т. III, стр. 474).

Въ послѣдней строкѣ находится своего рода угроза или по меньшей мѣрѣ предостереженіе, угроза, яснѣе выраженная въ слѣдующей коломыйкѣ:

Черезъ тии рекрутоньки, черезъ вражи ляхи,
Покинемо свое село, пидемъ въ гайдамахи.

Въ одной коломыйкѣ находится такое зловѣщее пожеланіе:

Ой, бодай ти, атамане, та и хата згорѣла,
А якъ менѣ молодому панщина доѣла.

Въ другой коломыйкѣ зловѣщее пожеланіе близко къ осуществленію, судя по началу коломыйки: «запалю я крайну хату на всѣ штыри куты».

Большинство коломыекъ отличается строго бытовымъ характеромъ, точнѣе сказать, представляетъ лишь факты и явленія семейной жизни, родственныхъ отношеній и въ особенности возникновенія и развитія любовнаго чувства въ парняхъ и дѣвушкахъ, томленіе влюбленныхъ въ разлукѣ и радость встрѣчи.

Выраженіе любовнаго чувства парубка и дивчины въ коломыйкахъ иногда достигаетъ большой силы; напримѣръ:

Солодка ма бѣлавице, солодка ма душко!
А нужъ сюда мало ближе, най тя шепчу въ ушко!
Рыбка моя золотая; ай меде мій, меде:
Уже намъ ся сего року любитки не веде.

Шумитъ вода, шумитъ вода, по каменью гучитъ:
Кто плакати та й не вміе, люба го научитъ.

—

Не такъ болитъ, якъ укуситъ лютая гадина,
Гôрше болитъ, якъ счаруе милая дѣвчина;
Якъ укуситъ гадинонька, знайдешъ въ зѣлью лѣки,
Якъ вчаруе дѣвчинонька, пропадешъ на вѣки.

—

Загублюся, моя мати, загублю, загублю,
Видколи мя поциловавъ, видътогды го люблю;
Видколи мя поциловавъ въ личенько биленьке,
Видътогды мени личенько, якъ медъ солоденьке.

—

Якъ я пришла до церквочки, та й ся роздивила,
Оттакъ смутно свѣчка горитъ, що милого нема;
Черезъ малу годиночку миленькій уходитъ,
Оттакъ свѣчка засвѣтила, якъ зирнычка сходитъ.

Парубокъ обращается къ своей матери съ просьбой:

Мамко моя солодкая, дай ми порадочку,
Ци любити, ци лишити тоту чорнявочку.

Въ другой коломыйкѣ находится отвѣтъ матери:

Даю я ти, милый сыньцю, таку порадицю,
Кедь ти мила, роботлива, возьми чорнявицю.

Въ другихъ коломыйкахъ совѣтъ матери измѣняется:

Ой не бери багацкои, бери си убогу!
Багацкая гордовита, ще до того пышна,
Убогая прихильная, якъ у саду вишня.

—

Теши, сыну, ясенину, то буде клинье:
Возьми сыну сиротину, то буде газдине!
Не зъ кождои ясенины клинье ся удае,
Не зъ кождои сиротины газдине бувае.

Главнымъ препятствіемъ для женитьбы является недостатокъ денежныхъ средствъ.

Радъ бы-мъ я ся оженити, радъ бы-мъ жену мати,
Прійде зима великая, нѣчимъ зимовати.

Подобнаго рода мысль выражается во многихъ коломыйкахъ; напримѣръ:

Оженися не журися, гараздъ тобѣ буде,
Будешь мати цѣловати, а хлѣба не буде.

—

Оженися, не журися, будешъ газдовати,
Ты самъ будешь свини пасти, жона завертати.

Во многихъ коломыйкахъ выражается жалоба дѣвушки на отсутствіе ея милаго, высказывается желаніе полетѣть зозулей, поплыть рыбой, и вернуть его, сѣсть около него, разсказать ему всю правду, разсказать о заискиваніяхъ нелюба. Какъ Ярославна въ «Словѣ о полку Игоревѣ», дѣвушка въ коломыйкѣ спрашиваетъ у вѣтра о мѣстопребываніи ея милаго:

Пытала-мъ ся того вѣтру, що зъ тыхъ сторонъ вѣе:
Скажи мени, де мій милый, та що ся съ нимъ дѣе?

Вызванное отсутствіемъ милаго горестное чувство выражается различнымъ образомъ; напримѣръ:

Очка мои сивенькіи, то-жъ то вы блудите,
Ой нема вже того тутки, кого вы любите!
Очка мои сивенькіи, въ голову-сте впали.
Вы бы сте вже слёзоньками все море зальяли!

—

Сумна гора безъ явора, безъ зелененького,
Ще сумнѣйше дивчиноньцѣ та безъ миленького.

Иногда дѣвушка овладѣваетъ своей тоской, перемогаетъ ее.

Я милого утратила, та и не журюся,
Хоть велику тугу маю, а не поддаюся;
Та хоть бы-мъ ся якъ журила, жура не поможе,
Ино мою головоньку больше рознеможе.

Душевное успокоеніе можетъ быть обусловлено вѣрой въ судьбу, въ Божью волю:

Ой тамъ въ полѣ конопельки, верхомъ зелененьки,
Мене милый покидае,—вороги раденьки.
Не тѣшьтеся, вороженьки, що зъ вамъ зъ того буде?
Та що кому Господь судивъ—не розсудятъ люде.

Значительное количество коломыекъ представляетъ несчастную жизнь въ замужествѣ за вдовцемъ, за которымъ «хлѣбъ готовый, серце засмучено», у котораго «борода коле», одно дитя проситъ ѣсть, другое пить, третье покачать.

Многія коломыйки представляютъ насмѣшку надъ увлеченіями молодыхъ людей и слабостями людей старыхъ; напримѣръ:

Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, а молодиць триста,
Ой у Бога надіечка, що ще душа чиста.

—

Ой косити, молотити я то не змагаю,
А дѣвчата обіймати, то я добре знаю.
Болитъ мене головонька, болитъ мя плечима,
Треба, треба ми дохтура съ чорными очима!

—

Надулася дѣвчинонька, якъ жыдивскій индыкъ,
Не озьме и багацькій сынъ, хиба якій винникъ.

—

Въ церкви звонятъ—баба глуха,
Въ корчмѣ граютъ—баба слуха:
А де жъ мои ходачищи?
Я бы-мъ пишла до коршмыщи.

Въ коломыйкахъ часто блеститъ чистая поэзія, проявляющаяся или въ яркости и выразительности взятаго изъ внѣшней природы образа, или въ силѣ и искренности проявленія чувства; напримѣръ:

Уже сонце на запади, уже ся спущае,
Мисяченько на востоцѣ ему ся всмѣхае.

—

Свѣтитъ сонце, свѣтитъ сонце, на хату лиліе,
Ой вже нема та й не буде, на кого надія.

—

Цвѣтутъ въ лѣсѣ красне зѣля, де медъ бере пчола,
Ой я той медъ въ губахъ чую, якъ дѣвча цѣлую.

——

Ой не лѣтай, воробею, по пидъ чорну стелю,
Не пороши миленькому бѣленьку постелю!

Послѣдняя коломыйка нуждается въ объясненіи. Коломыйка запѣта въ курной хатѣ, гдѣ потолокъ закоптился. Воробей, летая, можетъ прикосновеніемъ своихъ крыльевъ струсить сажу на приготовленную для любимаго человѣка постель. Прекрасный поэтическій образъ!

Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й ты зоре ясна,
Передъ тыми воротами, де дивчина красна!

——

Оѣ засвѣти, мѣсяченьку, тыми долинами,
Куда иде мій миленькій на ничъ изъ волами.

——

Ой заходить то сонечко за терновый садокъ:
Не знаешь ты, мій миленькій, килька въ мене гадокъ.
Ожъ бы усѣ звѣзды зъ неба писарями стали,
Та еще бы мои гадки не переписали.

——

Ой Боже жъ мій милостивый, яка я несчасна,
Уже жъ моя зоря ясна на небѣ загасла!
Моя зоря уже згасла, друга засвѣтила,
Ой Боже-жъ мій милосердный, якъ я несчастлива.

——

Завѣй же ты, вѣтросеньку, по полю, по полю,
Та розвѣй же, та рознеси мою пусту долю!
Завѣю ти, дѣвчинонько, та й попередъ хаты,
Не розвѣю, не рознесу, шо ти мавъ Богъ дати.

Галицко-русскій народъ очень дорожитъ коломыйкой, какъ такой пѣсней, котаря услаждаетъ и веселитъ «засмученое сердце», прогоняетъ тугу, иногда заставляетъ задуматься, иногда вызоветъ тихія, успокаивающія сердце слезы, иногда уноситъ мысль, чувство и воображеніе въ «свѣти далекіи». Все это выражено въ самыхъ коломыйкахъ:

Якъ-бы не тѣ коломыйки, бувъ бымъ вже загинувъ,
Бувъ бымъ зъ горя та зъ недоли давно свѣтъ покинувъ;
Но якъ серце мое тужитъ, горюе, сумуе,
Та якъ собѣ заспѣваю,—уже не бануе.

—

Нема танцю на всѣмъ свѣтѣ, якъ та коломыйка;
Она душу вырывае зъ моего серденька,
Якъ заграю, заспѣваю, туга исчезае,
Бо то наша коломыйка таку силу мае.

—

Заграй же мени, музыченьку, бѣлыми пальцами,
Най я собѣ потанцюю зъ чорными бровами!
Ой у тебе, музыченьку, руки золотыи,
Тожъ ты душу потягаешь въ свѣти далекіи.

—

Гей плыву я по Дунаю,
И такъ се думаю:
Нема кращихъ спѣваночокъ,
Якъ у нашимъ краю!
Ой нема-жъ то, ой нема-жъ то,
Якъ руська краина,
Тамъ спѣвае коломыйки
Каждая дѣвчина.

—

Руська наша коломыйка, хоть она дрибойка,
Она мила, а все щира—мени солодойка,
Якъ я начну коломыйки спивати, спивати,
Затужишь ты и заплачешь, та й станешь думати.

Такая высокая оцѣнка коломыйки, сдѣланная самимъ народомъ, представляетъ тѣмъ болѣе любопытное явленіе, что ранѣе народъ не объектировалъ своихъ поэтическихъ произведеній настолько, чтобы самостоятельно ихъ оцѣнить въ пѣснѣ-же. Фактъ самостоятельной оцѣнки коломыйки галицко-русскимъ народомъ свидѣтельствуетъ о большой силѣ его поэтическаго творчества и самосознаніи.

Нельзя не пожелать въ заключеніи статьи о коломыйкахъ, что-бы современное состояніе народнаго пѣснотворчества было приведено въ извѣстность. Необходимо-бы притомъ, что собираніе па-

мятниковъ народнаго пѣснотворчества было распространено въ Россіи повсемѣстно, съ соблюденіемъ научныхъ требованій относительно сохраненія и вѣрной передачи всѣхъ чертъ и особенностей, даже искаженій и ошибокъ, въ словахъ и въ размѣрѣ. Въ научномъ отношеніи важно знать областныя, краевыя проявленія пѣснотворчества. По весьма основательному замѣчанію А. Н. Пыпина, «при общихъ мотивахъ преданіе (или пѣсня) чрезвычайно разнообразно, представляетъ множество варіацій; каждая мѣстность, каждый отдѣлъ племени несетъ свой оттѣнокъ старины, свой мѣстный складъ обычая и поэтическаго творчества, и именно изученіе этого разнообразія бытовыхъ и поэтическихъ явленій можетъ принести наукѣ любопытнѣйшіе результаты, какъ слѣдъ старой народной исторіи». Собираніе, записываніе пѣсенъ, преданій, разсказовъ изъ народныхъ устъ идетъ нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и, между прочимъ, въ Малороссіи, хотя совершается людьми различнаго образованія, различной научной подготовки, по различнымъ мотивамъ, большею частью въ силу пробудившагося въ обществѣ стремленія къ изученію народнаго быта. Въ спеціальныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», появляются время отъ времени небольшія, но цѣнныя по точности, записи народныхъ пѣсенъ. Недавно П. В. Шейнъ въ этнографическомъ отдѣленіи русскаго географическаго общества обратилъ вниманіе на двухъ молодыхъ собирателей памятниковъ народнаго творчества, В. Н. Добровольскаго, записавшаго въ 6 уѣздахъ смоленской губерніи болѣе 3000 пѣсенъ, сказокъ, заговоровъ и т. п., и Н. Е. Бера, занимающагося не только записываніемъ, но и переложеніемъ пѣсенъ на музыку («Свѣтъ» 1886 г. № 27). Д. И. Эварницкій года три назадъ записалъ въ харьковской губерніи много пѣсенъ. Харьковское историко-филологическое общество два года назадъ пріобрѣло покупкой отъ г. Манжуры объемистый сборникъ народныхъ пѣсенъ, преданій и разсказовъ. П. В. Ивановъ собралъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи много дѣтскихъ пѣсенъ и игръ. Все это еще ждетъ изданія. Но если желательно, чтобы собираемый матеріалъ не залеживался въ частныхъ рукахъ и въ рукописныхъ сборникахъ обществъ, то еще болѣе желать надо, что бы онъ былъ издаваемъ съ необходимыми комментаріями, съ указаніемъ сходнаго или тождественнаго въ двухъ сборникахъ, дабы не повторился

случай, бывшій при изданіи «Pokucia» Кольберга, который, упустивъ изъ виду громадный сборникъ г. Головацкаго, привелъ массу пѣсенъ, тождественныхъ съ пѣснями, изданными г. Головацкимъ. Отдѣльнымъ труженикамъ собирателямъ пѣсенъ нельзя ставить въ обязанность приводить ихъ въ систему и выдѣлять варіанты. Это дѣло трудное, требующее значительной научной подготовки, хорошихъ книжныхъ пособій; успѣшное его выполненіе возможно только при доставляемыхъ столичными библіотеками книжныхъ средствахъ и при совокупныхъ усиліяхъ многихъ лицъ или ученыхъ обществъ. Въ западной Европѣ дѣло собиранія и изданія памятниковъ народнаго поэтическаго творчества и ритуала хорошо поставлено. Достаточно указать на общество Folk—lare, ученое братство, своего рода цехъ, не только издающій этнографическія изслѣдованія и матеріалы, но и поддерживающій между самими научными дѣятелями начала взаимной помощи и содѣйствія. Въ славянскихъ земляхъ въ сходномъ направленіи дѣйствуютъ академіи и матицы, въ Россіи—географическое общество. Въ послѣдней книжкѣ Извѣстій этого общества (1885 г. т. VI стр. 480—500) въ любопытной статьѣ А. Н. Пыпина «о задачахъ русской этнографіи» читаемъ: «Прежнее этнографическое собираніе, всего чаще случайное, диллегантское, частичное, иногда просто крохоборное, должно смѣниться организованнымъ изслѣдованіемъ, простирающимся на всѣ основные типы и мѣстности населенія и производиться людьми научно приготовленными... Многостороннее и правильное... (этнографическое) изученіе необходимо не только для цѣлей чистой науки, но и для внутренняго и практическаго самосознанія; успѣхи этого изученія считаются теперь требованіемъ и условіемъ самого національнаго достоинства». А. Н. Пыпинъ высказываетъ при этомъ пожеланія, къ которымъ нельзя не присоединиться, именно чтобы въ университетахъ слушателямъ предлагались теоретическія наставленія о правильномъ собираніи народной старины, чтобы основалось спеціальное изданіе, посвященное этнографіи, основаны и расширены были музеи, а этнографическое отдѣленіе географическаго общества взяло на себя трудъ организаціи ученыхъ экспедицій, съѣздовъ, сосредоточенія и изданія крупнаго матеріала, библіотечныхъ работъ и т. д.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ПРОВЕРЕНО 199 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ 15 марта 1886 года.

Проверено 1987 г.